

В.В. Виноградов ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

(Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162-189)

<...>

III

Термин "лексическое" или, как в последнее время стали говорить, "смысловое значение слова" не может считаться вполне определенным. Под лексическим значением слова обычно понимают его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка. Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных "кусочков действительности", между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь. Разграничение и объединение этих разнородных предметно-смысловых отношений в структуре слова сопряжено с очень большими трудностями. Эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрерывных смещений значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения.

Отсутствие ясности в определении понятия "лексическое значение слова" очень тяжело сказывается в практике словарного дела. В каждом толковом словаре пропускаются сотни, если не тысячи живых значений слов и изобретается множество несуществующих значений. Вот несколько иллюстраций из "Толкового словаря русского языка" под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В слове *аллегория* выделено особое, самостоятельное значение: "Туманная, непонятная речь, нелепость (простореч.)". В качестве наиболее показательной иллюстрации его приводится фраза: *Ты мне аллегорий не разводи, а говори прямо* [10]. Но слово *аллегория* в общенародном языке не означает нелепости, хотя и может применяться для характеристики неясной, непонятной речи, например в речи гоголевского городничего из "Ревизора": "А ведь долго крепился давеча в трактире, заламывая такие аллегии и экивоки, что, кажись, век бы не добился толку". У слова *багаж* найдено значение - "Эрудиция, запас знаний" [11]. И тут значение смешивается с употреблением. Только в соответствующем контексте и притом чаще всего в сочетаниях с определениями *умственный, научный, ученый* и т.п. у слова *багаж* возникает этот смысловой оттенок. Слову *баня* приписано отдельное значение: "Жара, парный, разгоряченный воздух" (*Какая у вас баня!*) [12]. Но и это - лишь метафорическое применение основного значения слова баня. В прилагательном *безголовый* отыскивается переносное значение: "крайне рассеянный или забывчивый". Иллюстрация: *Ах, я безголовая: печку затопила, а трубу не открыла. Уж очень я безголова* [13].

Академический "Словарь современного русского литературного языка" открывает в слове *безразличный* значение "ничем не отличающийся; одинаковый со всеми" и иллюстрирует его примером из "Обломова" Гончарова: "Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный" [14]. Такие случаи немотивированного выделения и неправильного определения значений слов в большом количестве содержатся во всех толковых словарях современного русского языка.

Интересно наблюдать колебания наших лексикографов в решении вопроса, можно ли считать особым значением возникающие и развивающиеся формы переносного, образного употребления слова. Так, слово *беззубый* в своем прямом номинативном значении может сочетаться с названиями живых существ, а также со словами *рот*, *пасть* и синонимичными. Но это слово употребляется переносно. Переносное употребление его типизировано и фразеологически замкнуто в узкий круг выражений: *беззубая критика*, *беззубая острота*, *беззубая насмешка* и т.п. Естественно, может возникнуть вопрос, имеем ли мы здесь дело с несвободным, фразеологически связанным значением или только с употреблением, еще не приведшим к общественно-установившемуся, обобщенному значению.

В академическом словаре русского языка под ред. Я. К. Грота, в словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в одготомнике С. И. Ожегова утверждается наличие в этом слове особого переносного значения. Но определения, истолкования этого значения у разных лексикографов крайне противоречивы. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова переносное значение слова *беззубый* толкуется очень субъективно: "Бессильный, тупой, не способный повредить или обидеть" (беззубая злоба) [15]. В словаре С. И. Ожегова толкованию этого значения придается гражданский характер: "лишенный остроты, слабый, непринципиальный" (*беззубая критика*) [16]. Кроме слова *непринципиальный*, явно сюда не идущего, это толкование воспроизводит характеристику соответствующей фразеологии в академическом "Словаре современного русского литературного языка", но там переносное употребление слова *беззубый* с полным основанием не признается за особое самостоятельное значение.

В смысловой структуре слова, как и в других сторонах языка, есть элементы нового, элементы живые, развивающиеся, и элементы старого, элементы отмирающие, отходящие в прошлое. Например, слово *ярый* у нас вытесняется синонимом *яростный*, образованным от *ярость* (само же слово *ярость* возникло как производное отвлеченное существительное к *ярый*).

В современном русском языке *ярый* - за пределами народно-поэтических формул (*свеча воску ярого*) - обычно употребляется в ограниченном кругу фразеологических сочетаний: *ярый поклонник чего-либо*, *ярый сторонник*, *ярый любитель чего-нибудь* в значении: "страстный, усердно преданный чему-нибудь, неистовый". Таким образом, *ярый* выражает лишь общую экспрессивную характеристику степени увлеченности

кого-нибудь чем-нибудь. Прежние основные значения этого слова, хотя и не в полном объеме, как бы перешли к слову *яростный* - "неукротимый, ничем не сдерживаемый" (*яростные атаки*), "полный ярости" (*яростный гнев*). Однако любопытно, что в других параллельных образованиях такого же типа складываются совсем иные отношения между соотносительными словами, например: *дерзкий* и *дерзостный*, *сладкий* и *сладостный*, *жалкий* и *жалостный*, *злой* и *злостный*, *тяжкий* и *тягостный*, *рад* и *радостен* и т.п.

Наблюдения над способами объединения разных значений в слове, а также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент.

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на "предметы", явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова - опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений.

Основные номинативные значения слов, особенно тех, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы. Эти значения можно назвать свободными, хотя их свобода обусловлена социально-исторически и предметно-логически. Функционирование этих значений слов обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. В основном, круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира, например: *пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок* и т.п.; *каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай* и т.п.; *щурить, прищуривать глаза; силлабический стих, стихосложение*.

У слова может быть несколько свободных значений, в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности (ср. *шапка* - "головной убор" и "заголовок крупный шрифтом, общий для нескольких статей").

Однако по отношению к основному номинативному значению все другие значения этого рода в слове являются производными. Эту производность вторичных номинативных значений нельзя смешивать с метафоричностью и образностью. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть названы номинативно-производными значениями. Часто они бывают уже, теснее, специализированнее, чем основное номинативное значение слова. Таково, например, у слова *капля* - *капли* номинативно-производное

значение "жидкое лекарство, применяемое по числу капель". Оно свойственно формам множественного числа - *капли*. Например, у Грибоедова в "Горе от ума": "Не дать ли каплей вам?" У Пушкина в "Скупом рыцаре": "Он составляет капли... право, чудно, Как действуют они". Ср. у Тургенева с повести "Клара Милич": "Прописал капли да микстуру".

Любопытно совмещение трех разновидностей номинативных значений в слове *трение*. Термин механики *трение* был использован для характеристики общественных отношений. Это произошло в литературном языке последней трети XIX в., не ранее 70-80-х годов. Слово *трение* до тех пор выражало лишь прямое значение: "действие по глаголам *тереть* и *тереться*", "состояние трущихся один о другой предметов", "движение одного предмета по тесно соприкасающейся с ним поверхностью другого". В механике это значение было переработано в понятие, и термин *трение* стал обозначать: "сопротивление движению, возникающее при перемещении тела, соприкасающегося с другим телом" (*трение скольжения, сила трения* и т.п.) [17]. При переносе на общественные отношения слово *трение* обычно облекается в формы множественного числа и вырабатывает значение: "споры, нелады, столкновения, разногласия между отдельными лицами или учреждениями, препятствующие нормальному ходу дел, враждебные столкновения". М. И. Михельсон отметил это новое значение в речи А. Ф. Кони "Памяти С. И. Зарудного" (В Собр. юрид. общ. 1899 г.): "Новая судебная практика, как всякое новое дело, вызвала различные *трения* и шероховатости..." [18].

В системе языка номинативно-производное значение слова (так же, как и терминологическое, научное) не может быть оторвано от основного свободного. Поэтому утверждение, будто бы слово в своем основном значении может входить в основной словарный фонд, а в "переносном или специальном" находиться за его пределами, является ошибочным [19].

Два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного (по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка). Если же такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами. В решении этого вопроса очень помогает также анализ морфологической структуры слова. Глагол *убрать* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (и в одноктомнике С. И. Ожегова) рассматривается как одно многозначное слово, в котором будто бы сливаются значения: "взять прочь, унести, поместив куда-либо (*убрать книги в шкаф, убрать посуду со стола*), а также специальное: "сжав, скошив, увезти с поля" (*убрать зерновые*), и такие, как "привести в порядок", "украсить, нарядить" (*убрать помещение, убрать комнату цветами*). Но объединение таких разнородных номинативных значений (ср., например, *убрать посуду со стола* и *убрать помещение, убрать комнату цветами*) - явно ошибочно. Эти значения не выводятся одно из другого, они не являются производными по отношению друг к другу. Об этом свидетельствует и различие морфологической структуры двух глаголов: одного с приставков у- для

обозначения направления движения в сторону (ср. *унести*) и другого - с производной основой *убра-* (ср. *убор* "головной убор", *уборная*, *убранство*).

Кроме возможности совмещения в одном слове разных номинативных значений, необходимо обратить внимание еще на то обстоятельство, что свободные номинативные значения, за исключением значений терминологических, научно препарированных, могут быть опорными или исходными пунктами синонимических рядов.

У многих слов, принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность. Например, глагол *облечь* является книжно-торжественным синонимом слова *одеть* и употребляется прежде всего для выражения значения *одеть* в соответствующем стилистическом контексте. Его основное значение не свободно-номинативное и не производно-номинативное, а экспрессивно-синонимическое, опосредованное по отношению к глаголу *одеть*. Ср. у И.А. Гончарова в "Письмах столичного друга к провинциальному жениху": "Да неужели ты никогда не испытывал роскоши прикосновения к телу батиста, голландского или ирландского полотна? Неужели, несчастный, ты не *облекался* в такое белье... извини, не могу сказать *одевался*: так хорошо ощущение от такого белья на теле; ведь ты говоришь же *облекаться* в греческую мантию; позволь же и мне прибегнуть в этом случае к высокому слогу: ты поклонник древнего, а я нового: *suum cuique*" [20].

Само собой разумеется, что на основе экспрессивно-синонимического значения могут развиваться другие, но только фразеологически связанные значения и употребления слова (ср. *облечь властью*, *доверием*, *полномочиями* и совсем изолированно: *облечь тайной*). В истории лексики мы можем наблюдать самый процесс создания такого рода синонимических рядов. Так, глагол *приникать* - *приникнуть*, широко употребительный уже в древнерусской письменности, до начала XIX в. имел значение "наклонясь, смотреть, глядеть вниз", или просто "наклоняться, нагибаться" [21]. Но уже в начале XIX в. в языке русской художественной литературы глагол *приникнуть* - *приникать* в силу своей экспрессивности, приобретает общее эмоциональное значение "припасть, плотно прижаться, прильнуть". Например, у Жуковского в стихотворении "Лесной царь": "К отцу, весь вздрогнув, малютка приник..."; у Пушкина в "Пророке": "И он к устам моим приник..." Так глагол *приникнуть* входит в синонимический ряд - *прижаться*, *прильнуть*, *припасть* как эмоционально-книжное слово.

Однако смысловая структура и функция у разных типов синонимов неоднородны; характер соотношений их значений с номинативными

значениями опорных или исходных слов синонимического ряда неодинаков. В зависимости от степени дифференцированности собственного значения, от его предметно смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков экспрессивный синоним может выражать и свободное номинативное значение, не передаваемое другими словами того же синонимического ряда, хотя и соотносительное с ними. Так, в качестве синонима слов *недисциплинированность*, *неорганизованность*, *распущенность*, *разболтанность* в русском литературном языке в начале XX в. стало применяться слово *расхлябанность*.

Слова *расхлябанный* и *расхлябанность* сформировались на основе областных северновеликорусских глаголов *расхлябать* и *расхлябаться* [22]. В литературный язык они проникли не непосредственно из народной областной речи, а через посредство профессиональной рабочей терминологии (*винты расхлябались* и т.п.). Ср. в рассказе Г. Яблочкова "Инвалид" (1915): "Ну, капитан, - успокоительно заметил энергичный поручик, - полечитесь и побольше. Надо произвести основательный ремонт. У вас здорово таки расхлябались все винты" [23].

Слово *расхлябанность* в разговорной речи и в составе произведений газетно-публицистического жанра получило свои индивидуальные характеристические предметно-смысловые приметы, по-видимому, в силу своей большей выразительности, чем слова *недисциплинированность*, *неорганизованность*, и меньшей фамильярности, чем слово *разболтанность*.

Точно так же имеет свою номинативную специфику слово *пошиб* - соотносительно с основными словами своего синонимического ряда - *стиль*, *манера*. Слово *пошиб* в древнерусском языке служило для обозначения стиля иконописания. К XVIII в. оно выходит из литературного употребления и возрождается лишь в 50-60-х годах XIX в. в более общем и широком значении - "стиль чего-либо". Тут смысловая сфера экспрессивного синонима выходит за пределы бытовых значений и употреблений основного, опорного слова небольшой синонимической группы, связанной со словом *стиль*.

И.Т. Кокорев прямо предлагал заменить заимствованное слово *стиль* народнорусским *пошиб* [24]. Но в слове *пошиб* развились своеобразные смысловые оттенки, сближающие его не только со словами *стиль*, *манера*, *характер*, но и со словами типа *повадка*, *замашки* и т.п. Ср. у Бодуэна де Куртенэ в дополнениях к словарю Даля: *молодец несовременного пошиба*; у Достоевского в "Бесах": *отставной армейский капитан нахального пошиба*; у Тургенева в "Нови": "Нежданов тотчас почувствовал, что они оба, эта угрюмая девушка и он, - одних убеждений и одного пошиба". В черновых набросках этого романа, о Паклине: "Как будто имеет пошиб политика, но это только по наружности..." [25].

Таким образом, своеобразия экспрессивно-синонимических значений многих слов определяются характером и видами их соотношений с номинативными значениями опорных, исходных слов соответствующего синонимического ряда. Между тем фразеологически связанные значения

слов вообще не могут служить базой, основой синонимического ряда, хотя и допускают синонимические "заменители".

В языке художественной литературы соотносительные и однородные значения близких синонимов могут быть индивидуально противопоставлены одно другому, как обозначения разных предметов, хотя и принадлежащих к одному и тому же виду или роду, но качественно отличных. В "Молодой гвардии" Фадеева: "У Вали глаза были светлые, добрые, широко расставленные... А у Ули глаза были большие, темнокарие, не глаза, а очи..." С другой стороны, в языке художественной литературы как соотносительные и даже синонимические слова могут быть сопоставлены обозначения разных предметов. У Лескова в очерке "Колыванский муж": "- Да это перст божий. - Ну, позвольте... уже вы хоть перст-то оставьте. - Отчего же? Когда нельзя понять, надо признать перст. - А я скорее согласен видеть в этом чей-то шиш, а не перст".

IV

Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее окружают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления. Многие слова в современной языковой системе вообще не имеют прямых номинативных значений. Они существуют лишь в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Их значение выделяется из этих сочетаний чаще всего путем подстановок синонимов.

Однако и прямое номинативное значение слова может быть очень узким и очень ограниченным в своих предметно-смысловых возможностях. Например, в прилагательном *безвыходный* основное номинативное значение относительного прилагательного "без выхода, без ухода" в русском литературном языке XIX в. реализуется лишь в словосочетании *безвыходное сидение дома* или *безвыходный домосед* [26]. В силу узости реального значения это слово толкуется в словарях неправильно, посредством мнимых, очень широких синонимов. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова: "неотлучный, непрерывный", у С.И. Ожегова: "непрерывный, без отлучек куда-нибудь", в академическом "Словаре современного русского литературного языка": "безотлучный, постоянный". Круг применения основного номинативного значения слова *безвыходный* ограничен его реальным содержанием. Вот тут-то и обнаруживается глубокое качественное различие между основным номинативным и фразеологически связанным значением слова.

Фразеологически связанным является отвлеченно-переносное значение слова *безвыходный*: "такой, из которого невозможно найти выход, исход; безрадостный" (*безвыходное положение*). В литературном языке XIX в. употреблялись сочетания *безвыходная печаль* (Достоевский, Хозяйка), *безвыходное отчаяние* (Герцен, Кто виноват?) и др. Но в современном русском языке такое употребление слова *безвыходный* вытесняется словом *безысходный* (*безысходная грусть, печаль; безысходное отчаяние*). Например, у Горького в рассказе "Коновалов": "Спокойное отчаяние, безысходная тоска звучали в песне моего товарища". Здесь фразеологическая связанность совсем не вытекает ни из этимологического значения слова, ни из его прямого отношения к соответствующему качеству (ср. невозможность сочетаний *безысходное положение, безысходная трагедия, безысходная катастрофа* и т.п.).

Глагол *отвратить*, если оставлять в стороне устарелое значение "повернуть в сторону" (*со страхом очи отвратила*), употребляется в значении "предупредить что-нибудь" (тяжелое, неприятное), "помешать осуществлению чего-нибудь" лишь в сочетании с небольшим числом отвлеченных существительных: *отвратить опасность, беду, несчастье, угрозу чего-нибудь* (ср. *предотвратить*).

Таким образом, многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей. Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением.

Фразеологически связанное значение лишено глубокого и условчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода - "рассеянное": оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями.

Например, глагол *отрасти*, хотя и определяется в толковых словарях общей формулой "достигнуть в росте каких-нибудь размеров", обычно применяется лишь по отношению к волосам, усам, бороде, ногтям. В других случаях говорится *вырасти* (ср. значения слова *отросток*: "побег, отходящий от стебля или корня" и "ответвление"). Однородные ограничения словесных связей действительны и в отношении глаголов *отрастить* (волосы, усы, бороду, ногти) и *отпустить* (себе).

В русском литературном языке с XV до конца XVIII в. славянизм *чреватый* (ср. народно-областное *черевистый*) употреблялся как синоним народных слов простого стиля *брюхатый, беременный, пузатый*. Как слово

грубое, неэлегантное, он не вошел в целый ряд стилей литературного языка: мы не найдем его у Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина. В русском литературном языке начала XIX в. слово *чреватый* стало архаизмом и применялось по большей части с экспрессией иронии: употребление его было характерно для среды приказной, купеческой, для среды духовенства, разночинцев. В переносном употреблении оно было свойственно архаическим стилям стихотворного языка (ср. эпитет *громочреватый*). В переносном же значении это слово проникает в область научной и публицистической речи. В 30-40-х годах XIX в. в научно-публицистических сочинениях оно применяется со значением: "способный вызвать, породить что-нибудь" (какие-нибудь последствия, события) [27]. В пародической книжке "О царе Горохе. (Подарок ученым на 1834 г.)" читаем: "... все, по его мыслительности, чревато силою, все поставлено над ним ..." [28]. В письме Е. А. Колбасина к Тургеневу (от 29 сентября 1856 г.): "Мы пока что только чреваты надеждами, дай-то бог, чтобы хоть половина их исполнилась"; у Салтыкова-Щедрина в "Пестрых письмах": "Почем вы знаете, чем чреватое будущее"; у Стасова в статье "Академическая выставка 1863 г.": "И за эту картину академия дает нынче профессорство? Шаг решительный, profession de foi, важный, чреватый последствиями".

В рецензии на сочинение А. Г. Дювернуа "Об историческом наложении в славянском словообразовании" И. Г. Прижов неодобрительно замечал: "С первой и до последней страницы диссертации в ней не найдете и не услышите ничего другого, как только: ... *при этих средствах мы хорошо объясним себе чреватость значения слова "медь" в славянщине, суффикс, имеющий весьма чреватое словообразовательное значение - ошибка, чреватая последствиями...* и так далее, далее, далее" [29]. Так слово *чреватый*, утратив свое прямое номинативное применение, развивает фразеологически связанное значение и реализует его в сочетаниях с формой творительного падежа ограниченной группы отвлеченных существительных (чаще всего *последствиями*).

У синонимов могут развиваться и вполне синонимичные, фразеологически связанные значения. Яркий пример - глаголы *впасть* и *ввалиться*. У глагола *ввалиться* одно из его значений - фразеологически связанное, синонимическое с глаголом *впасть*: "глубоко осесть, стать впалым". Это значение реализуется в сочетании со словами - *глаз (глаза), щека (щеки), рот, губы, грудь, бока*. Например, у Пушкина в "Гробовщике": "... ввалившиеся рты"; у Тургенева в повести "Странная история": "Губы до того ввалились, что среди множества морщин представляли одну - поперечную"; у В. Шишкова: "... бока у лошади от бескормицы ввалились" ("Алые сугробы", VII). Любопытно индивидуально-метафорическое употребление глагола *ввалиться* у Л. Андреева в повести "Губернатор": "Дальше опять домишки и три подряд голые, кирпичные корпуса без орнаментов, с редкими ввалившимися окнами".

Глагол *впасть* характерен тем, что его прямое номинативное значение устарело и вышло из употребления (ср. древнерусск. *впасть в яму, ров* и т.

п.). Для выражения этого глагола стали употребляться глаголы *упасть* и *попасть* (ср. *упасть в яму* и *попасть в яму*). Лишь в формах несовершенного вида сохранилось номинативное значение "втекать", "вливаться" (о реках, ручьях). В формах совершенного вида у глагола *впасть* закрепилось значение "стать впалым", синонимичное такому же значению глагола *ввалиться*. Оно связано лишь со словами *щеки*, *глаза (очи)*, *реже рот*, *губы*, *виски*, *грудь*, *бока*. У Лермонтова: "бледные щеки впали" ("Бэла"); у Чехова в рассказе "Припадок": "Лицо его было бледно и осунулось, виски впали". Это фразеологически связанное значение соотносительно со значением слова *впалый*, круг применения которого гораздо уже, чем слова *впадина* (ср. *впалые глаза*, *впалые щеки*, *впалая грудь*). Истолкование значения прилагательного *впалый* при посредстве слова *впадина* в словаре С. И. Ожегова должно быть признано ошибочным [30].

Другое значение глагола *впасть*, также фразеологически связанное, но вместе с тем и конструктивно обусловленное - полувспомогательное: "начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)" или "проявлять признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)": *впасть в бешенство*, *в отчаяние*, *в сомнение*, *в грусть*, *в тоску*, *в бедность*, *в ничтожество*, *в ересь*, *в противоречие*, *в шарж*, *в крайность*, *в пошлый тон* и т. п.

Изучение изменений фразеологических связей слов в развитии русской литературной лексики помогает уяснить закономерности того сложного процесса, который переживали славянизмы после распада системы трех стилей в русском литературном языке XIX в. В качестве иллюстрации можно воспользоваться семантической историей глагола *поглотить* - *поглощать*. В памятниках древнерусской письменности слово *поглотить* выражало два значения: 1) прямое конкретное: "проглотить, пожрать, съесть" с оттенком: "принять в себя, в свои недра" (о земле и море) и 2) в обобщенном смысле "уничтожить".

С некоторым видоизменением оттенков и расширением фразовых связей эти значения, в основном, сохраняются и в русском литературном языке XVIII в. Ср. иллюстрации этих значений в "Словаре Академии Российской" и в "Словаре церковнославянского и русского языка" 1847 г.: *Кит поглотил Иону. море поглощает корабли. Бездна поглотила упавшего с высоты утеса. Время все поглощает* [31]. Ср. у Пушкина в "Евгении Онегине": "И память юного поэта Поглотит медленная Лета".

Однако в начале XIX в. у этого глагола вырисовываются новые фразеологические связи. На основе первоначального основного значения (которое вытесняется бытовыми синонимами - *проглотить*, *съесть* и т. п.) развиваются значения переносные, обращенные на умственные, духовные объекты действия: *поглотить много книг*, *поглощать новые сведения*, *известия*. При отвлеченных или конкретно-вещественных субъектах и объектах возникают и распространяются разнообразные смысловые оттенки: "вобрать в себя" (*поглотить влагу*, *поглощать лучи*); "потребовать на себя много чего-нибудь" (какого-нибудь расхода времени, энергии и т. п.),

"вызвать затрату, потерю чего-нибудь": *Путешествие поглотило массу денег; Работа поглотила много энергии*. В русском литературном языке с середины XIX в. устанавливается семантическое соотношение между глаголами *поглотить* и *погрузиться* - в отвлеченных переносных значениях. Ср. у Григоровича: "... живет ... безвыездно в своих "Золотых привольях", поглощенный (погруженный - *В. В.*) в созерцание гнедых рысаков и саврасых скакунов" ("Проселочные дороги"); у Тургенева: "... другие заботы ее поглощали" ("Первая любовь"); ср. у Пушкина: "В заботы суетного света Он малодушно погружен"; у Некрасова: "Служба всю мою жизнь поглощала" (стихотв. "Газетная").

Точно так же глагол *пробудить*, который сначала являлся синонимом глагола *разбудить*, с развитием переносных отвлеченных значений в русском литературном языке с конца XVIII в. замыкается в узком кругу фразеологических связей. В словарях Академии Российской конца XVIII и начала XIX в. *пробуждать - пробудить* рассматривается как слово среднего стиля, имеющее одно прямое значение: "прервать сон". Ср. *пробуждаться* - "просыпаться, приходиться после сна в чувство"; *пробуд* - "время прекращения сна" (*Пред самым пробудом снилось, грезилось*) [32].

Однако уже со второй половины XVIII в. из стилей художественной литературы все глубже входит в систему национального литературного языка переносное значение слова *пробудить - пробуждать*: "возбуждать, подстрекать", как определяет это значение "Словарь церковнославянского и русского языка" (*Рассказы путешественников пробудили в нем желание побывать в чужих краях*) [33]. Параллельно протекает процесс развития отвлеченных значений и в глаголе *пробуждаться* (ср.: *страсти пробуждаются*).

В дальнейшем история изменений значений глагола *пробудить - пробуждать* и глагола *пробудиться - пробуждаться* разошлись. В глаголе *пробудить - пробуждать* прямое значение все более вытеснялось употреблением синонимов *будить, разбудить* (кого-нибудь), но на основе его развилось переносное значение "кого-нибудь возбудить, сделать активным, деятельным", например: *пробудить к активной деятельности* [34]. В глаголе же *пробудиться - пробуждаться* сохранилось и основное значение - "проснуться, перестать спать" и развившееся из него переносное (ср.: *пробудиться к новой деятельности*, или у Пушкина: "Во мне пробудилась охота к литературе"). Таким образом, в современном русском языке (так же, как и в литературном языке второй половины XIX в.) глагол *пробудить* выражает только отвлеченные фразеологически связанные значения "породить, вызвать появление чего-нибудь" (*пробудить интерес, охоту, желание, страсть* к чему-нибудь и т. п.).

Сходные, хотя и с индивидуальными вариациями, процессы образования фразеологически связанных значений - в связи с утратой или ослаблением основных номинативных значений - можно наблюдать в семантической истории таких славянизмов, как *потрясти - потрясать, возмутить - возмущать, распространить - распространять* и т. п.

V

Различие свободных и фразеологически связанных значений слова помогает точнее и яснее представлять как семантические границы, так и смысловой состав слова, систему всех его значений. Разграничение свободных и фразеологически связанных значений особенно важно для теории и практики лексикографии. В выделении и определении фразеологически связанных значений слов особенно легко ошибиться, так как их применение не дает достаточных средств для проверки их значения [35].

При смешении свободных и фразеологически связанных значений неизбежны подмены семантических характеристик отдельного слова описанием общего смысла тех фраз, в которые входит это слово. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова одно из предполагаемых трех значений разговорного слова *отделаться* характеризуется так: "испытать что-нибудь незначительное вместо большой беды, неприятности" (*При катастрофе отделаться испугом; Отделаться царапиной; Дешево отделался*) [36]. Но глагол *отделаться* вовсе не выражает значения "испытать, перенести что-нибудь незначительное"; он здесь значит "избавиться, ограничившись чем-нибудь". Неясно, почему другое значение того же слова, тоже признанное за самостоятельное, определяется так: "не желая выполнить всего, что надо, ограничиться чем-нибудь (немногим, несущественным)": *Отделаться пустым обещанием; Отделаться пятью рублями*. И тут определяется не значение самого слова, а общий смысл подобранных примеров.

В толковых словарях русского языка, например в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, постоянны такого рода подмены истолкования значения слова описанием смысла всей фразы. Например, в глаголе *обвести* одно из значений определяется так: "оглядеть, окинуть взором", и приводится такой пример из Чехова: "Машенька обвела удивленными глазами свою комнату" [37]. В том же словаре значение глагола *прибратъ* характеризуется так: "убрать, отодвинуть в сторону". Эта характеристика целиком навеяна примером: *Прибратъ книги к сторонке* [38].

В глаголе *лопнуть* словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет пять значений: "1. Треснув, прийти в негодность, разломаться, получить трещину (о полых предметах). *Лопнул стакан. Лопнул пузырь. Лопнул мяч*. 2. Треснув, разорваться (о натянутом). *Канат лопнул. Струна лопнула. Брюки лопнули по шву* [39]. 3. *перен.* Потерпев крах, полную неудачу, прекратиться, перестать существовать (разг.). *Банк лопнул. Все дело лопнуло*. 4. *перен.* Истошиться, исчезнуть (разг.). *Терпение лопнуло* [40]. 5. *перен.* Не выдержать сильно физического или психологического напряжения (простореч. фам.) *Можно лопнуть со смеху. Чуть не лопнул со злости, от зависти*" [41].

Очевидно, что в выражениях *терпение лопнуло, надежды лопнули* осуществляется лишь метафорическое употребление глагола *лопнуть* в основном значении "треснув, разломаться или разорваться". Во всяком случае, *терпение лопнуло* - это не значит, что терпение исчезло, и даже не значит, что оно истошилось. Кроме того, ведь иначе как в сочетании со

словами *терпение* и *надежды* слово *лопнуть*, кажется, и не употребляется в этом метафорическом смысле. Значение же "не выдержать сильного физического или психологического напряжения" является несвободным и выделяется лишь потенциально из нескольких устойчивых фразеологических оборотов: *лопнуть со смеху, со злости, от злобы, от зависти*.

Количество фраз, группирующихся вокруг того или иного связанного значения слова и образующих своеобразную замкнутую фразеологическую серию, может быть очень различно - в зависимости от семантических потенциалов, от вещественно-смысловой рельефности этого значения, от характера его выделяемости. Кроме того, степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз также могут быть очень разными. Например, глагол *замять - заминать* со значением "приостановить, пресечь дальнейшее развитие чего-нибудь (неприятного), умышленно не дать ходу" в разговорно-литературной речи встречается в очень узком контексте; он сочетается с немногими объектами: *замять дело, разговор, какую-нибудь выходку, неприятное впечатление*. У Гоголя в "Мертвых душах" сказано: "Замять неуместный порыв восторгания". У Достоевского в "Подростке" встречается индивидуальное фразеологическое сочетание *замять слух*: "Я даже и теперь не знаю, верен ли этот слух; по крайней мере, его всеми силами постарались замять". Толстовское выражение *замять кого-нибудь* (в "Войне и мире": "Анатоля Курагина... - того отец как-то замял") противоречит современному словоупотреблению. Еще более тесны фразеологические связи глагола *затаить* (*затаить обиду в душе, глубоко затаить месть, затаить злобу*).

Крайнюю ступень в ряду фразеологических сочетаний занимают обороты, включающие слова с единичным употреблением. Например, книжное слово *преклонный* встречается только в выражениях "преклонный возраст", "преклонные лета" или "года". Понятно, что в индивидуальном стиле оно может сочетаться и с каким-нибудь другим синонимом слова "возраст". Так у Некрасова: "Безмятежней аркадской идиллии Закатятся преклонные дни".

Приведенное в словаре под ред. Ушакова выражение *преклонный старик* [42] кажется не вполне правильным. Слово *преклонный* понимается как синоним слов *старый*, даже *престарелый*, но с несколько стертым значением. Поэтому уже с "Словаре Академии Российской" слово *преклонный* в этом употреблении не признается за отдельную лексическую единицу; оно рассматривается лишь в составе фраз: *преклонный век, лета* - "старость, пожилые годы" [43]. Однако в "Словаре церковнославянского и русского языка" 1847 г. из этого употребления извлекается особое значение: "приближающийся к концу" (о возрасте и летах) [44]. По тому же пути идет и словарь под ред. Д. Н. Ушакова: "*Преклонный*, -ая, -ое (книжн.). Перешагнувший через зрелые года, приближающийся к глубокой старости, к смерти (о возрасте)" [45].

Таким образом, границы между фразеологически связанным значением слова и фиксированным употреблением его как неотделимого элемента одного-двух фразеологических оборотов оказываются в некоторых случаях заблуждениями, но вполне определенными. И все же необходимо отличать фразеологически связанное, несвободное **значение** слова от **употребления** слова в нескольких фразеологических единствах, близких по смыслу. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова выделено в особое значение (7) употребление слова *курс* в таких соотносительных выражениях: *быть в курсе* (чего), *держат* (кого) *в курсе* (чего), *войти в курс* (чего), *ввести* (кого) *в курс* (чего). Из этих образных фразеологических оборотов извлекается такое мнимое значение слова *курс*: "осведомленность, знание последних фактов и достижений в какой-нибудь области" [46]. Но такого значения у слова *курс*, разумеется, нет. Все обороты, в которых это значение усматривается, сложились на базе основного значения этого слова "течение", "направление движения".

Следовательно, от **значения** слова отличается его **употребление**. Употребление - это или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью. Под переносным или композиционно осложненным применением слова в каком-нибудь из его основных значений возникают новые, своеобразные смысловые значения. Они летучи, изменчивы, иногда даже трудно уловимы. Они не свойственны общему языку, хотя и общепонятны. Например, академическим словарем русского языка зарегистрировано употребление причастия от глагола *лаять* в фразеологическом сочетании *лающий голос* (не о собаке) [47]. Ср. у Салтыкова-Щедрина в "Благонамеренных речах": "Из внутренностей его, словно из пустого пространства... вылетал громкий, словно лающий голос"; у Куприна в рассказе "Мелюзга": "Он угрюм, груб, у него лающий голос". Академический словарь приводит также выдержку из журнала "Солнце России" (1913, № 52): "Врешь!" - лающим голосом опять крикнул кто-то из окружающих нас".

Форма *лающий* здесь не выражает нового самостоятельного значения. О новом значении нельзя говорить уже по одному тому, что словосочетание *лающий голос* единично (ср., впрочем, *лающий кашель*). Другие связи этого рода у формы *лающий* возможны лишь в индивидуальном употреблении (например: *лающие звуки*, *лающая речь* и т. п.). Кроме того, *лающий* в выражении *лающий голос* присоединяет к основному значению глагола *лаять* лишь качественный оттенок: "как бы лающий" (ср. у Салтыкова-Щедрина: *словно лающий*), т. е. "похожий на лай" (короткий, отрывистый, хриплый). В этом случае можно говорить только об употреблении, а не о новом значении. Между тем в словаре Ушакова форма *лающий* выделена в самостоятельное слово именно из-за этого употребления, которое принято за особое значение [48].

История значений слова неразрывно связана с историей фразеологических оборотов. Во фразеологических сочетаниях воплощаются общие закономерности, управляющие связью значений в пределах данной семантической системы. Новые, индивидуальные употребления слова дают себя знать сначала в отдельных фразеологических сочетаниях. На основе их может затем выкристаллизоваться общее фразеологически связанное, несвободное значение.

Вместе с тем угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся сюда контекстов его употребления. Очень часто сохраняются осколки старого значения или архаического выражения в двух-трех фразеологических сочетаниях. Например, слово *личина* в значении "маска" и переносном - "притворная, искусственно созданная видимость, обманчивая или обманная внешность" постепенно утрачивается в русском языке. Но это переносное значение еще теплится в двух-трех выражениях и фразеологических оборотах: *это - одна личина, под личиною чего-нибудь* ["Прямой был век покорности и страха, Все под личиною усердия к царю" (Грибоедов)], *надеть личину кого-нибудь* или *чего-нибудь* "прикидываться кем-нибудь".

Разъединение фразеологических сочетаний также приводит к образованию новых выражений и новых смысловых оттенков. Например, глагол *напиться* (так же, как и его экспрессивные синонимы *нализаться* и т. п.) в разговорно-фамильярной речи сочетается с выражением *до чертиков* (ср. *до зеленого змия*) в значении "до крайней степени опьянения, до галлюцинаций". Тут *до чертиков* является обозначением высшей, предельной степени, но только одного очень определенного действия. Будучи оторвано от глагола *напиться* выражение *до чертиков* может в индивидуальной речи стать шутливо-ироническим обозначением высшего предела вообще чего-нибудь. Именно так употребил это выражение художник А. Я. Головин, рассказывая о Левитане: "До каких "чертиков" виртуозности дошел он в своих последних вещах!.. Его околицы, пристани, монастыри на закате, трогательные по настроению, написаны с удивительным мастерством" [49].

Таким образом, изучение не только синонимии, но и фразеологически связанных значений, употребления слов тесно объединяет лексикологию со стилистикой.

VI

Кроме качественных различий между значениями свободными и значениями фразеологически связанными, несвободными, в лексической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности значений, осуществление которых обусловлено синтаксически. в самом характере взаимосвязанности лексических значений слов и их синтаксических свойств сказываются качественные различия двух основных синтаксических категорий - словосочетания и предложения.

Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная

функция в составе предложения. Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику. Например, ср. в разговорной речи слово *молодец* при выражении похвалы, одобрения в функции сказуемого: *Она у нас молодец; Молодец, что хорошо сдал экзамены.* Ср.: *Не жилец она на белом свете;* ср. также: *Не житье, а масленица.*

В слове *петух* различаются два значения: 1) "самец кур", 2) "забияка" в применении к человеку [50]. Однако характерно, что со вторым значением этого слова не связан ни один из фразеологических оборотов, образовавшихся на основе слова *петух*: *пустить петуха* (о певце); *пустить красного петуха* ("поджечь", из разбойничьего жаргона); *с петухами* (рано) *вставать, до петухов* (до зари) *не спать, засидеться.*

Таким образом, переносное значение слова *петух* нельзя считать фразеологически связанным. Правильнее всего было бы признать это значение, в отличие от прямого, свободного номинативного значения, значением предикативно-характеризующим. Предикативно-характеризующее значение существительного может быть использовано для называния, обозначения кого-нибудь или чего-нибудь лишь в случае индивидуального указания (обычно при посредстве местоимения *этот*). Например, если о задире сказали: *Вот так петух!* или что-нибудь другое в этом роде, то можно продолжать в таком духе: *Другого такого петуха не найти!* Или: *Этот петух всегда всем испортит настроение!* Но как название, как обозначение слово *петух* к человеку применяется обычно лишь в качестве фамилии или прозвища (можно вспомнить гоголевского Петра Петровича Петуха). Предикативно-характеризующее значение у имени существительного может реализовываться в сказуемом или в составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении.

В сущности, соотношение тех же двух типов значений наблюдается и в слове *тетеря* с тем лишь различием, что здесь в разговорно-шутливой речи предикативно-характеризующее значение повело к образованию устойчивых фразеологических сочетаний *глухая тетеря, сонная тетеря, ленивая тетеря.* Сюда же можно присоединить такие слова - с их прямыми и переносными функционально-синтаксически ограниченными значениями, - как *гусь* (ср. *гусь лапчатый, вот так гусь!*), *осел, ерш* (ср. *ершиться*), *лиса, байбак, ворона* (ср. *проворонить*) и т. п.

Синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. Поэтому оно применяется как предикат, как обращение, как приложение, или обособленное определение, или даже сначала как возникающее в речи переносное, нередко метафорическое, обозначение, в тех случаях, когда необходимо отнесение лица, предмета, явления к какому-либо разряду в

системе коллективно осознанных способов их характеристики. Своеобразные семантические особенности этого типа значений слова особенно ярко выступают в случаях переходных, развивающихся, но еще не ставших стандартными. В этом отношении показательно складывающееся предикативно-характеризующее значение у слова *перекати-поле* [51].

Есть слова, которым присуще только функционально-синтаксическое значение. Например, слово *загляденье* в академическом словаре русского языка под ред. акад. А. А. Шахматова определяется прежде всего как действие по значению глагола *заглядеться*, но ни одного примера, иллюстрирующего это значение, не указано [52]. В этом значении слово *загляденье* в современном русском языке употребляется только в выражении *на загляденье*. Например, у Кокорева в "Очерках и рассказах": "Стол почтенных лет, но всегда выглядит на загляденье и около него скамья"; у Лескова в рассказе "Неразменный рубль": "Я приду к отцу Василию и принесу, на загляденье, прекрасные покупки".

Начиная с XIX в., слово *загляденье* обозначает все то, на что можно заглядеться, чем можно залюбоваться; в этом значении оно употребляется только в функции сказуемого; черты имени существительного в нем стираются, падежные формы ему уже не свойственны. У Пушкина в прозаическом отрывке ("В одно из первоначальных чисел апреля") читаем: "Что за карета - игрушка, загляденье"; у А. Майкова в стихотворении "Два мира": "И целый лес кругом колонн, Все белый мрамор, загляденье!"; у И. С. Никитина в поэме "Кулак": "... остался У бедняка рысак один: Ну, конь! Ей богу, загляденье!"; у Григоровича в романе "Переселенцы": "Маленький чепчик на голове ее был просто загляденье"; у Гончарова в "Обрыве": "Вон Балакин: ни одна умная девушка нейдет за него, а загляденье".

Более сложной была семантическая история славянизма *объяденье*, который до начала XIX в. обозначал "обжорство, неумеренность в пище", но затем в разговорно-бытовой речи закрепился в функции сказуемого и экспрессивно-восклицательного выражения, близкого к междометию. Слово *объяденье* стало эмоционально-предикативной характеристикой чего-нибудь необыкновенного по своему вкусу (*Пирожки - просто объяденье!*).

В слове *указ* при употреблении его в разговорной речи в функции сказуемого с отрицанием не возникает своеобразное значение, которое определяется в толковых словарях так: "не может служить основанием, указанием для кого-нибудь, чего-нибудь" (*Ты мне не указ*). Тут уже явно обозначился отрыв предикативного выражения *не указ* от слова *указ* в значении "постановление верховного органа власти, имеющее силу закона". Ср. просторечное *не след* (в значении: "не следует").

Функционально-синтаксически ограниченные значения свойственны главным образом именам существительным, прилагательным (особенно их кратким формам), а также наречиям, которые переходят в этих условиях в категорию состояния. Однако несомненно, что и в системе глагола развивается близкий тип предикативно-характеристических, определительных значений.

Эти значения обычно выступают в формах несовершенного вида и связаны с ограничением не только видовых, но и модальных возможностей употребления соответствующего глагола. Например: *Окна **выходят** в сад;* *Начинание молодых исследователей **заслуживает** всяческого поощрения;* *Дело **стоит** внимания;* *Один **стоит** семерых* и т. п.

VII

Гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы простой соотносительности с тремя типами лексических значений слова - значений свободных, фразеологически связанных и функционально-синтаксически ограниченных (или закрепленных) - является сфера значений конструктивно организованных или конструктивно обусловленных. Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. при этом данные формы сочетаемости зависят не только от принадлежности слов к тем или иным грамматическим категориям (например, глаголов к категории переходности), но и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции. Дело в том, что структура некоторых типов словосочетания обусловлена принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию. Например, немногочисленный ряд глаголов внутреннего состояния, эмоционального и волевого переживания - *плакаться, сетовать, жаловаться* и некоторые другие - выражают свое значение обычно в сочетании с предлогом *на* и формой винительного падежа существительного, обозначающего объект соответствующего состояния или переживания. Так, прямое номинативное значение глагола *плакаться* (как и его синонимов, с помощью которых оно определяется, - *жаловаться, сетовать*) конструктивно обусловлено. Просто *плакаться* нельзя, можно *плакаться на что-нибудь* - *на свою судьбу, на свои несчастья*. Однако фразеологическая связанность вовсе не обязательна для конструктивно обусловленного значения. Достаточно сослаться на несколько других глаголов с той же конструкцией: *пенять кому-чему-либо и на кого-что, положиться - полагаться на кого-что-нибудь* и т. п. Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм их синтаксических сочетаний. Например, глагол *разобраться*, кроме своего прямого значения "привести в порядок, разобрать свои вещи", имеет конструктивно обусловленное значение: *разобраться в ком-чем* - "в результате опыта, наблюдений хорошо понять" (*разобраться в вопросе, в обстоятельствах дела, в своеобразии чьего-либо характера* и т. п.). Реализация данного значения невозможна вне зависимости от соответствующей конструкции. Лексическое значение слова тесно, органически связано с данным способом его семантико-синтаксического раскрытия. ср. также: *состоять в чем-нибудь, выражаться в чем-нибудь, отозваться* (абсолютно) и *отозваться на что*, а также потенциальные:

отозваться о ком-чем ["с особым сочувствием отозвался о Соломине" (Тургенев, *Новь*)]; *отозваться на чем-нибудь* ("сказаться, отразиться": *Долгая ночная работа вредно отозвалась на здоровье*).

Признание конструктивной обусловленности многих значений основано совсем не на тех соображениях, которые побуждали акад. Л. В. Щербу даже всякий переходный глагол рассматривать как "строевой" элемент грамматики, как форму связи между субъектом и объектом действия. Есть различие между лексическими значениями тех слов, которые по законам грамматики русского языка конкретизируют свое содержание соответственно своей принадлежности к той или иной грамматической или лексико-грамматической категории (например: *купить что-нибудь*, *производство чего-нибудь*), и между конструктивно-обусловленными значениями тех слов, в которых сама дифференциация значений всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение характеризуется предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции - в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции является существенным признаком конструктивно обусловленного значения. И этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение может быть признаком обособления омонима от смысловой структуры однозвучного слова. Например, едва ли значения слова *положение* (о чем-нибудь): 1) закон, правило или свод правил, касающихся чего-нибудь, и 2) логическое научное утверждение, формула, сформулированная мысль (*положение о внутренних законах развития*) могут быть объединены с такими значениями слова *положение* как "местонахождение в пространстве", "постановка тела или частей его", "состояние", "обстоятельства", "обстановка общественной жизни", "роль в общественной жизни", "распорядок государственной, общественной жизни" и т. п. Точно так же едва ли возможно втиснуть в систему значений одного слова все те значения, которые приписываются, например, глаголу *обернуться* (*обернуться лицом к окну* и сказочное - *обернуться кем-чем* или *в кого, во что: обернуться волком; бес, обернувшийся в пса*, и т. д.; ср. *оборотень*) [53].

Таким образом, разные виды конструктивной обусловленности слов могут служить указанием на границы разных значений одного и того же слова и вместе с тем могут быть признаками омонимии. Конструктивная обусловленность бывает свойственна не только свободным номинативным, но и фразеологически связанным и функционально-синтаксически ограниченными значениям слов.

Например, в слове *вопрос* ярко сказывается связь разных его значений с разными конструктивно-синтаксическими свойствами или формами сочетаемости с другими словами. Прямое номинативное значение - "словесное обращение, требующее ответа, объяснения" выражается словом *вопрос* в сочетании с предлогом *о* и формой предложного падежа существительного или, независимо от такого сочетания, - в абсолютном употреблении. Например: *получить ответы на все вопросы; задать несколько вопросов*. В сущности, те же конструкции связаны и с обобщенным, абстрактным номинативным значением "проблема", "задача", "предмет исследования", но для формы множественного числа - *вопросы* возможно сочетание и с формой родительного падежа. Иллюстрации к этому значению: *национальный вопрос, вопрос о законах развития общества, вопросы грамматического строя, вопрос современной архитектуры* и т. п. В бытовой речи это значение приобретает более широкий, неопределенный и общий характер и становится синонимом таких слов, как *вещь, дело, тема, обстоятельство*. Например: *Это совсем другой вопрос* ("это совсем другое дело"); *Мы еще вернемся к этому вопросу* и т. п. Несомненно, что выражения типа: *вопрос не в этом; вопрос в том, что; весь вопрос - в быстроте исполнения* - представляют собой устойчиво-фразеологические обороты. Здесь толковыми словарями обычно выделяется фразеологически связанное значение "суть, сущность, главное" и т. п.

В предикативном значении (а отсюда - и в индикативном, конкретно-указательном употреблении) слово *вопрос* в единственном числе в сочетании с формой родительного падежа отвлеченного существительного обозначает: "дело, обстоятельство, касающееся чего-либо, зависящее от чего-нибудь" (*вопрос чести, вопрос времени, вопрос жизни и смерти, вопрос денег, вопрос терпения* и т. п.) [54].

Примером взаимодействия фразеологически связанных значений и строго дифференцированных конструкций может служить слово *играть*: ср., с одной стороны, *играть во что* (в карты, в лото, в прятки, в футбол, в шахматы и т. п.) и переносно - *играть в чувство, в негодование* и т. п. и, с другой стороны, *играть на чем* (на скрипке, на гитаре, на рояле; ср. также *играть на бильярде, на нервах*); ср. *играть чем* или *кем* (*жизнью, людьми*), *играть кого-что, в чем* и т. п.

Обусловленность значений слова строго определенными и притом ограниченными синтаксическими формами сочетаемости его с другими словами сопровождается своеобразными структурными оттенками лексического значения. Свободное номинативное значение в тех случаях, когда оно конструктивно обусловлено, обычно имеет более ограниченный, узкий характер [ср., например: *готовая работа* и *работа, готовая к печати; интересы* (духовные, классовые и т. п.), *интерес* (общественный), *интерес к кому-чему; хлопотать* и *хлопотать о ком, о чем; предмет* и *предмет чего* (насмешки, иронии, любви и т. д.).

Конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения еще теснее замыкает его в рамки немногочисленных

фразеологических сочетаний и приводит к распылению, к растворению его семантического ядра в общем целостном значении соответствующих фразеологических единиц. Например: *ласкать себя надеждой; броситься в глаза* (ср. *броситься в лицо, в голову* и т. д.).

Таким образом, в системе знаменательных частей речи конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов, способствует дифференциации значений и оттенков слова, а также разграничению омонимов.

Выделение особого типа конструктивно-обусловленного значения происходит при превращении знаменательного слова в служебное (например, *относительно* - в функции предлога при омониме *относительно* - наречии и модальном слове; *точно* - в функции союза соотносительно с омонимом *точно* - наречием, а также модальным словом и утвердительной частицей и т. п.). Но тут уже открывается область иных структурных типов слов и иных типов значений, о которых удобнее говорить при изучении вопроса о взаимодействии лексических и грамматических значений у служебных слов, об условиях и способах перехода лексических значений в грамматические <...>.